

ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭТИЧЕСКОГО КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМА: ОТ ГЕДОНИСТИЧЕСКОГО УТИЛИТАРИЗМА К УТИЛИТАРИЗМУ ЖЕЛАНИЯ

И. И. Масликова

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Київ, Україна
i.i.maslikova@gmail.com

Поиск ответа на этический вопрос «как правильно жить» предполагает понимание целей человеческой жизни, что в конечном состоянии позволяет обосновать правильный способ мышления и поведения. Проведенный в статье анализ концепций современного консеквенциализма в аспекте максимизации благосостояния и общего блага позволяет увидеть проблемы гедонистического обоснования блага и критерия правильности жизни в целом и институтов, призванных обеспечивать такую правильную жизнь индивидов и общества.

Внимание сосредотачивается на следующих проблемах классического гедонистического утилитаризма: субъективности чувство удовлетворения, наличии негедонистичних мотивов, отсутствия единой меры удовольствий, невозможности межличностного сравнения видов удовольствия, существовании пределов максимизации удовольствий. Исследуя трансформации современного консеквенциализма в направлении утилитаризма желаний, отмечается, что ориентация на удовлетворенность, как стремление максимально реализовать желание, для современного человека, является действенным мотивом действия в направлении достижения благополучия и критерием оценки ее жизни. При этом желание содержательно связывают с благами, имеющими внутреннюю ценность и высокую степень валентности как для себя, так и для других людей.

Отмечая определенные проблемы выработки желаний (изменчивость желаний, необязательная корреляция с благосостоянием, дефективность ряда желаний, сложность рационализации и калькуляции каких-либо желаний и меры их интенсивности), утверждается, что формирование способности к содействию благосостояния других и реализации общего блага требует дополнительных факторов. Поэтому преодоление проблем утилитаризма желаний возможно в синтезе с идеями этики добродетели и деонтологической этики.

Ключевые слова: этический консеквенциализм, гедонистический утилитаризм, утилитаризм желаний, удовлетворение, радость, благополучие, благо, общее благо.

TRANSFORMATION OF MODERN ETHICAL CONSEQUENTIALISM: FROM HEDONISTIC UTILITARIANISM TO UTILITARIANISM OF DESIRE

I. Maslykova

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine
i.i.maslikova@gmail.com

Search for the answer to the ethical question *how to live the right way* envisages understanding of the purpose of human life, which finally allows substantiating the right way of thinking and behaviour. Analysis of modern consequentialism in terms of maximising prosperity and public weal made in the article provides an insight into the problems of hedonistic substantiation of weal and criterion of the right way of life on the whole as well as institutions aimed at providing for such a right way of individual and social life.

Attention is focused on the following problems of classic hedonistic utilitarianism: subjective nature of satisfaction, presence of non-hedonistic motives, absence of the single satisfaction extent, impossibility of interpersonal comparison of satisfaction types, and existing limits of maximising satisfaction. While studying transformation of modern consequentialism in the direction of utilitarianism of desire, it is stipulated that orientation at content as an urge of a modern person to realise a desire to the maximum extent is an effective prosperity motive and a criterion to assess human live. In this case essence of the desire is associated with weal which has internal value and high valence level both for an individual and for other people.

When specifying certain problems of desire production (changeability of desires, optional correlation with prosperity, deficiency of a range of desires, complicated nature of rationalisation and calculation of certain desires and their intensity level), it is stipulated that formation of an ability to perceive prosperity of others and realisation of the general weal will take additional factors. Therefore, problems of utilitarianism of desire can be overcome in combination with ideas of virtue ethics and deontological ethics.

Keywords: ethical consequentialism, hedonistic utilitarianism, utilitarianism of desire, satisfaction, content, prosperity, weal, public weal.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исходным вопросом, который пытаются решить все философы морали, является вопрос «Как правильно жить?». Дать на него ответ невозможно, не ответив предварительно на вопрос, заостренный в этическом консеквенциализме: «Какова цель жизни и как ее эффективно достичь?». Поиски ответа на эти вопросы позволяют решить две задачи – обосновать правильный образ мышления и способ действия субъекта, а также обозначить критерии оценки деятельности субъектов морали в рамках сложных, предметно определенных социальных практик.

Несмотря на то, что классический консеквенциализм гедонистического толка (И. Бентам, Дж. Ст. Милль) подвергался нещадной критике, в рамках современных теорий благосостояния (concepts of well-being) осуществляются попытки реабилитации установки на приятное, удовольствие и удовлетворение [3; 6, 1–4], которые ожидаются как результат осуществления желания. Ведь действительно, что является тем главным мотивационным фактором, который заставляет действовать человека в направлении максимизации благосостояния? С точки зрения современного этического консеквенциализма рациональный человек хотел бы для себя некое благо, осуществление которого непосредственно или косвенно принесло бы ему удовольствие (pleasure), а интенсивность желания этого блага зависела бы от величины этого удовольствия [2, 134]. Поскольку заявленная современными, в основном англо-американскими философами (Р. Брандт, Дж. Гриффин, Э. Мур, Ф. Фельдман, К. Хизвуд и др.) проблематика в силу разных обстоятельств не была актуализирована в отечественном этическом дискурсе, возникает потребность обращения к их исследованиям. Поэтому *целью* данной статьи является критический анализ современных концепций этического консеквенциализма гедонистического толка в аспекте максимизации благосостояния и общего блага. Такого рода исследование позволит обнаружить проблемные точки консеквенциалистского обоснования блага, а также наметить перспективы этической оценки как жизни индивида, так и функционирования социальных институтов, обеспечивающих правильный образ жизни.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

Первой и наиболее разработанной формой этического консеквенциализма был нормативный гедонистический утилитаризм, согласно которому лишь только одно удовольствие имеет самоценность. Все другие этические ценности (дружба, благочестие, благосклонность и пр.) считаются инструментальными, необходимыми в конечном счете для достижения удовольствия. При этом удовольствие понимается в достаточно широком смысле как приятное ощущение или опыт, имеющий такие разнообразные оттенки, как восторг, радость, эйфория, наслаждение, удовлетворение и пр.

Классический гедонистический утилитаризм в содержательном рассмотрении блага делал акцент на двух его измерениях – количественном и качественном [9]. Основатель утилитаризма И. Бентам утверждал, что ценность удовольствия зависит от количественных характеристик: интенсивности, продолжительности, несомненности, близости и отдаленности, плодovitости, чистоты и распространенности [1, 42–43]. Отметим, что выстроенная И. Бентамом типология качественных различий удовольствий (удовольствия чувств, богатства, искусства, дружбы, хорошего имени, власти, благочестия, благосклонности, неблагосклонности, памяти, воображения, ожидания, удовольствия, зависящие от ассоциации, облегчения [1, 46]) не позволяет проводить сравнение этих удовольствий между собой. Дж. Ст. Милль, благодаря которому классический утилитаризм приобрел свою завершенную форму, разделял «высшие» и «низшие» удовольствия, тем самым утверждая, что ценность блага зависит от качества удовольствия. Продолжая эпикурейскую традицию различения телесных и интеллектуальных удовольствий, английский философ отдает явный приоритет более возвышенным интеллектуальным и моральным удовольствиям по сравнению с чувственными удовольствиями: «Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей: лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем удовлетворенным глупцом» [8, 35].

Однако в дифференциации видов удовольствий у Милля происходит разрыв удовольствия и пользы. Такие «высшие» удовольствия, получаемые в результате интеллектуальной активности и воображения – чтения, мышления, искусства, хотя безусловно похвальны, не всегда полезны. При этом немалоинтересный факт, на который указывает современный американский философ Р. Соломон, состоит в том, что будучи известным экономистом, Дж. Ст. Милль в своей концепции не рассматривает удовольствие от физической работы и производительного труда, которые однозначно имеют в качестве своих результатов пользу [12, 338]. Отсюда возникает вопрос: все ли физические удовольствия с неизбежностью являются «свиноподобными», равносильно как и все ли интеллектуальные удовольствия являются нравственными? [12, 338]. Таким образом актуализируется проблема критерия различения удовольствий на предмет их моральной значимости. Милль эту проблему отдает на откуп общественному мнению и компетентным судьям, имеющим богатый опыт и широкий диапазон личных переживаний: более ценным будет то удовольствие, приоритет которому отдадут те люди, которые уже его испытали [8, 34]. Однако такое объединение остается не совсем удовлетворительным, так как не совсем понятным остается процедура такого сравнения и механизм выявления общественного мнения.

Проблема качественного различения удовольствий приобретает принципиальное значение, когда речь идет не просто о благе, а об общем благе, о соотношении личного и общего интереса. Если отдельный субъект в пространстве своей приватной жизни ориентирован на разного рода наслаждения, то в условиях социального взаимодействия крайне необходимой становится иерархия ценностных различений, поскольку моральную легитимацию получает только то благо, которое будет полезно обществу. Таким образом, ключевым моментом социальной этики Милля является требование учета счастья других в равной степени, требование к индивиду быть беспристрастным, бескорыстным и доброжелательным наблюдателем, рассматривая в равной мере свои интересы наряду с другими [8, 41–42]. Соответственно, общее благо как наибольшее счастье для общества в целом будет реализовано, когда индивиды будут мотивированы «высшими» удовольствиями. Такое стремление к общему благу как «высшему» удовольствию становится возможным в силу наличия у человека особых «высших» способностей – гордости, любви к свободе и личной независимости, и главное, чувства собственного достоинства [8, 35]. Благодаря таким благородным чертам характера и их культивации, совершенствованию интеллектуальных способностей, правильному нравственному и физическому воспитанию, прогрессу науки становится возможной гармоничная реализация личных интересов и общего блага, минимизация эгоизма, исправление плохих законов, несовершенных институтов, порождаемые ими бедность, болезни [8, 37–40].

Таким образом, классический утилитаризм настаивает на исключении из сферы социальной политики видов действий, направленных на реализацию сугубо эгоистических интересов, и обосновывает требование гармонии личных и общих интересов с тем, чтобы продвижение общего блага стало привычным мотивом действий разумного человека. Хотя Милль признает, что большинство действий осуществляются не из стремления к общему благу, из соображений индивидуальной пользы, тем не менее, совокупность таких действий составляет общее благо, поскольку человечество коллективно, а индивиды существуют в пределах установленных коллективных интересов человека [8, 41].

Таким образом, в «качественном» нормативном гедонистическом утилитаризме происходит усложнение расчета правильности действия. И тут, казалось бы, гедонизм с его субъективностью ощущений и вариативностью удовольствий терпит фиаско. Наиболее традиционные замечания в отношении гедонистического обоснования выглядят следующим образом. Во-первых, как свидетельствует опыт, далеко не все мотивы действий связаны с удовольствием. Примером тому могут служить разнообразные случаи жертвенного поведения, бескорыстной помощи, сознательной аскезы. Хотя гедонисты в такого рода негедонистическом поведении находят скрытый гедонистический элемент, мол такие поступки в качестве своей цели имеют удовлетворение – радость победы над собственной чувственной или эгоистической природой, удовлетворенное честолюбие в глазах других людей, тем не менее вопрос сложности выявления истинных мотивов остается актуальным. Во-вторых, идеи «максимального удовольствия», «минимизация боли», «чистого удовольствия» предполагают наличие общей меры, которой просто не может быть в силу субъективности такого рода ощущений. В-третьих, проблемы возникают в обосновании необходимости гедонистически ориентированного субъекта способствовать благу других людей и общему благу, поскольку в расчете будущего действия такой субъект руководствуется исключительно собственными ощущениями и собственными состояниями сознания.

В-четвертых, в критической литературе обращается внимание на проблематичность утилитаристского принципа максимизации блага в гедонистической трактовке. Гедонистический утилитаризм исходит из того, что удовольствие – это благо и его необходимо максимизировать.

Однако, как свидетельствует опыт, есть некая точка насыщения удовольствия, после которой от удовольствия отказываются, более того оно становится нежелательным. Тем самым, подрывается основное утверждение мотивационного психологического гедонизма – удовольствие перестает быть мотивом действия. В плоскости нормативного гедонизма это означает, что слишком много удовольствия – не есть благо, а в крайних формах оно трансформируется в «антиблаго» или страдание [5, 79].

Однако, несмотря на критику, в конце XX ст. исследователи возвращаются к переосмыслению удовольствия как существенного мотивационного фактора в человеческой жизнедеятельности. Удовольствие рассматривается уже не как субъективное ощущение-чувство, а скорее, как интенциональное состояние сознания, направленное на себя и на мир вокруг [7, 550]. Основанием к такому заключению служит отсутствие у ряда «высших» удовольствий «локации ощущения» (felt location) – сущностной составляющей любого чувственного опыта [9]. Удовольствие от решения сложной интеллектуальной задачи или от общения со старыми друзьями явно не локализуется в каком-то органе чувств. При этом достаточно важным является то, что актуализации такого «внутреннего» опыта переживания удовольствия предшествуют некоторые предварительные акты или состояния «внешнего» опыта – убеждения, предпочтения, предвосхищения, желания. Таким образом, происходит четкая фиксация того, что чувственное удовольствие (sensory pleasure) не тождественно ощущению удовлетворенности (feelings of pleasure) [4, 607].

Таким образом, внимание исследователей обращается не на фиксируемое в физических ощущениях удовольствие, а на определенное предвзятое *отношение* к благу, на достижение которого направлена деятельность. Это состояние сознания может выражаться в желании блага (Д. Парфит, Р. Брандт), убеждении в желательности этого блага (Г. Сиджвик), во внутренней установке на получение удовольствия (Ф. Фельдман). Следовательно, важным становится не ощущение как таковое, а его предвосхищение, определенная подготовленность к нему, предчувствие [4, 608], т.е. установка сознания, которая подлежит рационализации и соответственно способна быть калькулируемой, что немаловажно для утилитаристских расчетов.

Таким образом, в рамках консеквенциалистского подхода гедонистический утилитаризм трансформируется в «утилитаризм предпочтения» или «теории желания» (Desire-based Theories), согласно которым моральным будет считаться такое действие, которое максимизирует благосостояние. Несмотря на существующее в настоящий момент разнообразие теорий желания [11], главной особенностью такого рода обоснования является то, что все они принимают в расчет реальное состояние дел, то, что имеет значение для роста благосостояния, а не только состояния сознания и восприятия действительности.

Утилитаризм желания формально понятие блага связывает с рациональным желанием и внутренней ценностью желаемого. Продолжая традицию Дж. Мура в рассмотрении этого вопроса, благо рассматривается как нечто имеющее внутреннюю ценность («intrinsic value») для кого-то или всех, что нравится и является желанным [2, 126–127]. Таким образом, трактуемое благо приобретает моральное измерение тогда, когда оно становится объектом неинструментального и альтруистического желания. Т.е. рациональное желание будет благом, когда оно имеет ценность само по себе, является «хорошим по своей сути» («intrinsically good») и его хотят не только для себя, но и для других [2, 128].

Простые теории желания (Simple Desire Satisfactionism) в оценке жизни человека исходят из того, что жизнь считается хорошей, если все желания удовлетворены. Однако в процессе калькуляции продуцируемых и осуществленных желаний легко заметить, что желания не статичны, они часто трансформируются в процессе жизни. То, что видится в качестве желаемой цели подростку, в более зримом возрасте ему уже не кажется таким желаемым. Во-вторых, проблемы могут возникать с тем, что некоторые желания, направленные на благо другого, будучи реализованными, могут не влиять на благосостояние того, кто собственно продуцировал такие желания. Можно желать здоровья случайному попутчику, но так и не узнать о его последующем выздоровлении. Так же обычно выполняются пожелания умирающих, однако это обязательство никак не связано с соображениями благосостояния того, кто вскоре умрет или уже умер. Соответственно всерьез могут браться в расчет только собственные желания в отношении своей собственной жизни [10, 494]. Однако такое уточнение неприменимо к общему благу, поскольку в расчет следует принимать не столько свою собственную жизнь, а жизни большого количества людей. В-третьих, далеко не всегда способствует росту благосостояния, и даже наоборот, приводят к понижению благосостояния других людей удовлетворение «дефективных» желаний, происхождение которых может иметь разные источники – испорченность, плохая информированность, иррациональные представления и убеждения. В-четвертых, в опыте взаимодействия встречаются такие люди, для которых наиболее желанным состоянием есть не

ощущение удовольствия, а некое состояние тишины и покоя, которое не максимизируют благосостояние, но приносит некую ментальную фиксацию удовлетворенности жизнью. Соответственно внимание исследователей переориентируется на пропозициональное отношение, настроенность на состояние удовлетворенности, не всегда связанную с материальными характеристиками благосостояния [7, 550].

Кроме этого, с неизбежностью возникает вопрос измерения интенсивности желаний для того, чтобы рационально упорядочить желания-предпочтения и определить порядок их реализации. Психологи, занимающиеся данной проблемой (Л. Т. Троланд в частности), ведут речь о так называемом «гедонизме прошлого» [2, 135], суть которого сводится к тому, что степень желаний соответствует перспективному приятному опыту, на который проецируются приятные переживания подобных ситуаций из прошлого опыта. При этом настоящие желания и соответственно их мотивационная сила зависят от ряда факторов. Во-первых, от средней степени приятности прошлого опыта и количества переживаемых приятных ситуаций. Во-вторых, от времени отсутствия объекта желания (голодный хочет еды больше и способен к большему наслаждению в процессе еды, чем неголодный человек) [2, 136].

Тем не менее, такое гедонистическое объяснение валентности объектов – не лишено критических замечаний. Во-первых, не все желания могут быть объяснены предыдущим опытом удовольствия. Во-вторых, сложности возникают с тем, что оказывает большее влияние на формирования желаний: приятность конкретного прошлого опыта или средняя приятность типичных опытов на протяжении всей жизни? В-третьих желание может продуцироваться не сколько воспоминанием о пережитой приятности, а ожиданием новизны предстоящего опыта. Таким образом, гедонистический тезис о прямой зависимости интенсивности желания и удовольствия как результата прошлого опыта ставится под сомнение в качестве объяснительного принципа поведения, ориентированного на реализацию желаний, связанных с достижением благосостояния [2, 137–138].

Наиболее авторитетный представитель утилитаризма желания американский философ Ричард Брандт пытается максимально снять проблемы реализации некоторых «ошибочных» желаний. Для этого он предлагает использовать процедуру «когнитивной психотерапии», которая позволит отделить рациональные желания от иррациональных, что сделает возможным учет будущего действия, направленного на максимизацию благосостояния. «Когнитивная психотерапия» – это процесс сопоставления желания с соответствующей информацией путем отчетливой многократной мысленной репрезентации в подходящее время, осуществляющийся без давления авторитетов и принуждения с помощью наказания, поощрения или введения в специфические состояния сознания [2, 113]. В практике «когнитивной психотерапии» могут выявляться ряд «ошибочных» желаний, связанных с 1) зависимостью от ложных мнений (в силу внешних авторитетов); 2) выстраиванием собственной идентичности в процессе наблюдения за отношениями других людей (родители, определенные социальные группы, ТВ) и соответственно искусственным возбуждением желания с помощью смеси угроз, дезинформации, мнимого общего блага; 3) переносом частных нетипичных негативных переживаний из собственного опыта на общие ситуации или объекты (например, ненависть ко всем собакам, т.к. в детстве укусила собака); 4) преувеличенной психологической зависимостью индивида от объекта желания из-за его недостатка или утраты (например, нехватка любви и внимания или материального благополучия в детстве способна привести к гипертрофированному желанию славы и материальных благ во взрослом состоянии) [2, 115–126].

Такая критическая работа сознания позволяет в процессе «когнитивной психотерапии» выявить иррациональные, часто искусственно навязанные желания, которые с помощью разъяснения могут подавляться или замещаться аутентичными естественными желаниями, направленными на достижение жизненно важных целей в пространстве личной и общественной жизни – в личных отношениях, профессии, спорте, бизнесе.

ВЫВОДЫ

Таким образом, современный этический консеквенциализм, представленный разнообразными теориями сатисфакционизма, дают достаточно четкий критерий для оценивания как индивидуальной жизни, так и институтов, призванных улучшать условия жизни: жизнь хороша, если человек наслаждается тем, что хочет получить [4, 604]. При этом благодать жизни связывается не столько с материальным благосостоянием, а с удовлетворенностью жизнью в целом, в которой значительное место отводится успешности, дружбе, любви, искусству, спорту и т.д. Обозначенные теоретические проблемы обоснования критерия правильности жизни, выявления истинных желаний, трудности их учета, формирования мотивации к способствованию благу другого и общему благу не находят окончательного решения в рамках этического консеквенциализма и сталкиваются с практическими проблемами их реализации. Следовательно, констатация

тивним представляється розвиток ідей етичного консеквенціалізму в напрямку синтезу с ідеями етики добродетелі і деонтологічної етики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М. : РОССПЕН, 1998. – 415 с.
2. Brandt, R. A (1979) Theory of the Good and the Right. New York : Oxford University Press.
3. Crisp R. (2014) Well-Being // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition), Edward N. Zalta (ed.). Access Mode : <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/well-being/>
4. Feldman, F. (2002) The Good Life : A Defense of Attitudinal Hedonism. Philosophy and Phenomenological Research, 65, 604–628.
5. Feldman, F. (2006) Timmermann's New Paradox of Hedonism : Neither New nor Paradoxical. Analysis. Vol. 66, 1 (Jan.), 76–82.
6. Griffin, J. (1990) Well-Being. Its meaning, measurement, and moral importance. Oxford : Clarendon Press.
7. Heathwood, C. (2006) Desire Satisfactionism and Hedonism. Philosophical Studies, 539–563.
8. Mill, J.S. (2003) Utilitarianism. Consequentialism / edited by Stephen Darwall. Oxford : Blackwell Publishing, 32–63.
9. Moore, A. (2013) Hedonism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition), Edward N. Zalta (ed.). Access Mode : <http://plato.stanford.edu/archives/win2013/entries/hedonism/>
10. Parfit, D. (1984) Reasons and Persons. Oxford : Clarendon Press.
11. Schroeder, T. (2014) Desire // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring Edition), Edward N. Zalta (ed.), Access Mode : <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/desire/>
12. Solomon, R.C. (2013) Morality and the Good Life : An Introduction to Ethics Through Classical Sources. Fourth Edition. New York City : McGraw Hill Create.

REFERENCES

1. Bentam, I. (1998) Vvedenie v osnovanija nrvstvennosti i zakonodatel'stva. Moskva : ROSSPEN.
2. Brandt, R. A (1979) Theory of the Good and the Right. New York : Oxford University Press.
3. Crisp R. (2014) Well-Being // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition), Edward N. Zalta (ed.). Access Mode : <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/well-being/>
4. Feldman, F. (2002) The Good Life : A Defense of Attitudinal Hedonism. Philosophy and Phenomenological Research, 65, 604–628.
5. Feldman, F. (2006) Timmermann's New Paradox of Hedonism : Neither New nor Paradoxical. Analysis. Vol. 66, 1 (Jan.), 76–82.
6. Griffin, J. (1990) Well-Being. Its meaning, measurement, and moral importance. Oxford : Clarendon Press.
7. Heathwood, C. (2006) Desire Satisfactionism and Hedonism. Philosophical Studies, 539–563.
8. Mill, J.S. (2003) Utilitarianism. Consequentialism / edited by Stephen Darwall. Oxford : Blackwell Publishing, 32–63.
9. Moore, A. (2013) Hedonism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition), Edward N. Zalta (ed.). Access Mode : <http://plato.stanford.edu/archives/win2013/entries/hedonism/>
10. Parfit, D. (1984) Reasons and Persons. Oxford : Clarendon Press.
11. Schroeder, T. (2014) Desire // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring Edition), Edward N. Zalta (ed.), Access Mode : <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/desire/>
12. Solomon, R.C. (2013) Morality and the Good Life : An Introduction to Ethics Through Classical Sources. Fourth Edition. New York City : McGraw Hill Create.

Стаття надійшла до редакції 26.03.2015 р.